

МИХАИЛ
ПРИШВИН

Зеленый шум

Михаил Михайлович Пришвин

Анчар

Серия «Охотничьи собаки»

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 16 июня 2002 года,

Оформление: TaKir, 2007

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161910

М.Пришвин, сборник «Зеленый шум»: Правда; Москва; 1983

Аннотация

В сборник «Зеленый шум» известного русского советского писателя М.М. Пришвина (1873–1954) вошли его наиболее значительные произведения, рассказывающие о встречах с интересными людьми, о красоте русской природы и животном мире нашей страны.

Часть сборника, посвященная собакам.

Михаил Михайлович Пришвин Анчар

Люблю гончих, но терпеть не могу накликать в лесу, порскать, лазать по кустам и самому быть, как собака. У меня было так: пущу, а сам чай кипятить, не спешу даже когда и подымет: пью чай, слушаю, и как пойму гон, перехватываю, становлюсь на место – раз! и готово.

Я так люблю.

Была у меня такая собака Анчар. Теперь в Алексеевой сече, откуда лощина ведет на вырубку, – в этой лощине над его могилой лесная шишига стоит.

Не я выходил Анчара. Привел раз мне один мужичок гончую, был это рослый, статный кобель и на глазах очки.

Спрашиваю:

– Краденый?

– Краденый, – говорит, – только давно было, зять щенком из питомника украл, теперь за это ничего не будет. Чистая порода...

– Породу, – говорю, – сам понимаю, а как гоняет?

– Здорово.

Пошли пробовать.

И только вышли из деревни к завору, пустили, поминай,

как звали, только по седой узерке след остался зеленый...

В лесу этот мужичок говорит мне.

– Я что-то озяб, давай грудок разведем.

«Так не бывает, – думаю, – не смеется ли он надо мной?»

Нет, не смеется, собирает дрова, поджигает, садится.

– А как же, – спрашиваю, – собака?

– Ты, – говорит, – молод – я стар, ты не видал такого, я тебя научу: о собаке не беспокойся, она свое дело знает, ей дано искать, а мы будем чай пить.

И ухмыляется.

Выпили мы по чашке.

– Бам!

Я так и рванулся.

Мужичок засмеялся и спокойно наливает себе вторую чашку.

– Послушаем, – говорит, – что он поднял.

Слушаем.

Густо лает, редко и хлестко гонит.

Мужичок понял:

– Лисицу мчит.

Мы по чашке выпили, а тот уж версты четыре пролетел. И вдруг скололся. Мужичок в ту сторону рукой показал, спрашивает:

– Там у вас коров пасут?

И верно, в этой стороне пасут карачуновские.

– Это она его в коровий след завела, теперь он добираться

будет. Выпьем еще по одной.

Но недолго пришлось отдохнуть лисице, опять схватил свежий след и закружил на малых кругах, – видно, была местная. И как на малых кругах пошел, мужичок чай пить бросил, грудок залил, раскидал ногами и говорит:

– Ну, теперь надо поспешать.

Бросились перехватывать на полянку перед лисьими норами. Только расставились, и она тут на поляне, и кобель у нее на хвосте. Трубой она ему показала в болото, он же не поверил – тят! за шею, она – вию! и готово: лисица, – и он рядом ложится лапу зализывать.

Его звали глупо: «Гончар», я же на радости крикнул:

– Анчар!

И так пошло после: Анчар и Анчар.

Сердце охотничье, вы знаете, как раскрывается? Знаете, утро, когда мороз на траве и перед восходом солнца туман, потом солнце восходит и мало-помалу туман отдалается, и то, что было туман, стало синим между зелеными елями и золотыми березками, да так вот и пошло все дальше и дальше синеть, золотиться, сверкать. Так суровый октябрьский день открывается, и точно так открывается сердце охотничье: хлебнул мороза и солнца, чхнул себе на здоровье, и каждый встречный человек стал тебе другом.

– Друг мой, – говорю мужичку, – по какой беде ты собаку такую славную за деньги отдаешь в чужие руки?

– Я в хорошие руки отдаю собаку, – сказал мужичок, – а

беда моя крестьянская: корова зелеными морозцухватила, раздулась и околела: корову надо купить, без коровы нельзя крестьянину.

– Знаю, что нельзя, жаль мне очень тебя. А что же ты про-
сишь за собаку?

– Корову же и прошу, у тебя две, отдай мне свою пеструю.
Отдал я за Анчара корову.

Эх, и была же у меня осень, в лесу не накликаю, не пор-
скаю, не колю глаза сучьями, хожу себе тихо по дорожкам,
любуюсь, как изо дня в день золотеют деревья, бывает, ряб-
цами займусь, намну тропок, насвистываю, и они ко мне по
тройкам сами бегут. Так прошло золотое время, в одно креп-
кое морозное утро солнце взошло, пригрело, и в полдень
весь лист на деревьях осыпался. Рябчик на манок перестал
отзываться. Пошли дожди, запрела листва, наступил самый
печальный месяц – ноябрь.

Вот нет этого у меня, чтобы шайками в лес на охоту хо-
дить, я люблю идти в лесу тихо, с остановками, с замира-
нием, и тогда всякая зверюшка меня за своего принимает,
всякую такую живность очень люблю я разглядывать, всему
удивляюсь и бью только, что мне положено. И это мне хуже
всего, когда шайками в лесу идут, гамят и бьют все, что попа-
дается. Но бывает, какой-нибудь согласный приятель, пони-
мающий охотник явится – люблю проводить его, другое это
удовольствие, а тоже хорошее: хорошему человеку до смерти
рад. Так пишет мне в начале ноября из Москвы один охот-

ник, просится со мной погонять. Вы все знаете этого охотника, не буду его называть. Конечно, я очень ему обрадовался, отписал ему, и в ночь под седьмое он ко мне является.

И вот нужно же так: перед этим лег было славный зазимок и как раз под седьмое растаял: грязно, моросит мелкий холодный дождик. Всю ночь я не спал, беспокоился, как бы дождик не помешал и не смыл ночные следы. Но счастливо вызвездило после полуночи, и к утру зайцы славно набегали.

До рассвета, при утренней звезде мы чаю напились, наговорились и, когда заголубело в окне, вышли с Анчаром на русаков.

Озимый клин в эту осень начинался у самой деревни, была озимь в ту осень густая, тугая, сочно-зеленая, хоть сам ешь. И русак на этой озими так наедался, вы не поверите, сало внутри висело, как виноград, и я почти по фунту с русака надирал. Весело взял Анчар след, покружил, разобрался в жировке и пошел прямым ходом на лежку. В лесу в это время капель, шорох. Этого русак очень боится, выбирается и ложится у нас на вырубке против Алексеевой сечи. И как я понял Анчара, что он с зеленой пошел на вырубку, – скорей на пустошь к лощине: с вырубки русаки непременно этой лощиной бегут. На первое место я поставил приятеля, у края оврага, сам же стал по другой стороне, и ему не видно меня, а мне он весь, как на ладони.

План, конечно, и на охоте необходим, но только редко по плану приходится. Ждем-пождем – нет гона, и Анчар как

провалился.

– Сережа, – кричу я.

Ах, виноват, не хотел я называть вам этого охотника, вы все его знаете, ну, да ведь, Сергеев у нас много.

– Сережа – кричу я, – потруби Анчара.

Свой охотничий рог я ему отдал он большой мастер трубить и любит. И только взялся Сережа за рог, гляжу – Анчар к нам бежит по лощине. Сразу я понял по его походке он тем же самым следом бежит и еще понял, это того русака лисица или сова перегнали с лежки, он прошел уже лощину, и Анчар его добирает. Вот когда он поравнялся с моим приятелем, гляжу, тот поднимает ружье и прицеливается.

И ничего бы не было если бы в ту минуту я вспомнил, что как раз с этого самого места раз я сам в человеческую голову целился и только вот чуть-чуть не убил лощиной шел человек в заячьей шапке мне была только шапка видна, и вот только бы курок спустить, вдруг вся голова показалась Мелькни мне это в памяти, я понял бы, что сверху видна только шерсточка, крикнул бы и остановился. Но я подумал – приятель мой балуется, это постоянно бывает у городских охотников, как у застоялых коней.

Думал, шутит, и вдруг – бац!

Было тихо, дым весь пал в лощину и все застелил.

Обмер я и сразу вспомнил как с того места сам в человеческую голову чуть-чуть не выстрелил.

Синий дым лег на зеленую лощину. Жду я жду, и мгнове-

нья проходят, как годы, и нет Анчара, нет из дыма не вышел Анчар. Как рассеялось, вижу, спит мой Анчар на траве вечным сном, на зеленой траве, как на постели.

С высоких деревьев на малые капают тяжелые осенние капли, с малых – на кустики, с кустов – на траву, с травы – на землю печальный шепоток стоит в лесу и стихает только у самой земли тихо принимает в себя земля все слезы.

А я на все сухими глазами смотрю.

«Ну, что же, – думаю, – бывает и хуже, и человека по случаю убивают».

Перегорелый я человек, скоро с собой справился, и уж стало у меня складываться, как бы лучше мне сделать приятелю, поласковой с ним обойтись, знаю ведь, не лучше ему, чем мне, и на то мы охотники, чтобы горе умыть радостью. В Цыганове самогонка живет в каждой избе, так я и решил идти в Цыганово и все замыть. Сам думаю так, а сам смотрю на приятеля и удивляюсь сошел вниз поглядел на убитого Анчара, опять стал на место и стоит себе будто все еще гона ждет.

В чем же тут штука?

– Гоп! – кричу.

Отозвался.

– Ты в кого стрелял?

Помолчал.

– В кого, – кричу, – ты стрелял?

Отвечает:

– В сову.

Оторвалось у меня сердце.

– Убил?

Отвечает:

– Промазал.

Сел я на камень и вдруг все понял.

– Серега! – кричу.

– Ну!

– Потруби Анчара.

Гляжу, схватился Серега за рог и остановился. Сделал шаг в мою сторону видно, стыдно стало, шагнул другой раз и задумался.

– Ну же, – кричу, – потруби!

Он опять берется за рог.

– Скорей, – кричу, – скорей!

К губам рог приставляет.

– Да ну же, ну.

И затрубил.

Сижу я на камне, слушаю, как приятель трубит, и страшной чепухой занимаюсь вижу вот, как ворона за ястребом гонится, и думаю, почему же он ей не даст по затылку, ему бы только раз тюкнуть. С такими думами можно на камне сколько угодно сидеть. И тут же колом стоит вопрос о самом человеке почему ему нужен обман? Смерть есть конец, все кончается так просто и зачем-то всем надо трубить? Вот убита собака, никакой охоты у нас быть не может, и сам же он

собаку застрелил и знает он, – человек я, не безделушка, с него не взыщу и слова попрека не скажу.

Кого он обманывает?

– Вот, – указываю, – иди ты по той тропинке, она тебя в Цыганово приведет, мы там с тобой выпьем, иди туда и потрубливай, все потрубливай, я же буду в лесу ходить и слушать, не викнет ли где-нибудь Анчар на трубу.

– Да ты, – говорит, – возьми рог и сам труби.

– Нет, – отвечаю – не люблю я трубить, у меня от этого в ушах звук остается, ничего не слышу, а тут надо слушать малейшее.

Оробел он и спрашивает нерешительно:

– А ты сам куда пойдешь?

Я показал в сторону, где Анчар лежит.

«Ну, – думаю, – деваться теперь ему некуда, сейчас признается».

И вот нет же, говорит:

– В ту сторону я тебе идти не советую, там и деревьев нет, на кусту он не может повеситься.

– Хорошо, – отвечаю, – я вон туда пойду. А ты, пожалуйста, не завывай, все потрубливай и потрубливай.

Как я сказал, что в другую сторону пойду, очень он обрадовался и затрубил, и так ему надо версты три все трубить и трубить.

«Нет, – говорю ему вслед, – на живых началах много бывает чудес, а на мертвых концах чудес не случается: не от-

зовется Анчар. Оттого настоящий охотник смотрит прямо в глаза и говорит: выпьем, друг, все кончилось».

Да, кого он обманывает?

У меня за поясом всегда маленький топорик для всякого случая, отрубил я им конец у сушины, вытесал вроде лопаты и выкопал яму в мягкой земле. Уложил Анчарушку в яму, холмик насыпал, нарезал дерну, обложил. На гари был у меня примечен чертик из обгорелого дерева, в сумерках он очень наших баб пугает, и все зовут его шишигой. Сходил я на гать, приволок эту шишигу и поставил Анчару памятник.

Стою, люблюсь на черта, а Сережа все трубит, трубит.

«Кого ты, Сережа, обманываешь?»

Моросит дождик, мелкий, холодный. С высоких деревьев падают тяжелые капли на малые, с малых – на кусты, с кустов – на траву и с травы – на сырую землю. Во всем лесу шепоток стоит и выговаривает: мыши, мыши, мыши... Но тихо принимает в себя мать-земля все слезы и напивается ими, все напивается...

Стало мне так, будто все дороги на свете в один конец сошлись, и на самом конце стоит лесной черт на собачьей могиле и с таким уважением на меня смотрит.

– Слушай, черт, – говорю, – слушай...

И сказал я речь над могилой и что сказал – потаю.

После того стало мне на душе спокойно, прихожу в Цыганово.

– Перестань, – говорю, – Сережа, трубить, все кончено, я

все знаю. Кого ты обманываешь?

Он побледнел.

Выпили мы с ним, заночевали в Цыганове. Охотника этого вы все знаете, у каждого из нас есть такой Сережа на памяти.